

V

Георг. И так, г. судья, если не ошибаюсь, мы остановились на вопросе о праве собственности.

Амбруаз. Совершенно верно. И мне, действительно, очень интересно, как вы относитесь с точки зрения справедливости и нравственности ваши идеи насилия и грабежа.

Общество, в котором никто не может быть уверенным в неприкосновенности своего имущества, перестает быть обществом и становится стаей волков, всегда готовых пожрать один другого.

Георг. А вам не кажется, что именно в этом состоянии и пребывает то общество, в котором мы теперь живем? Вы нас обвиняете в стремлении к грабежу и насилию; на самом же деле, именно владельцы собственности постоянно обирают рабочих и пользуются плодами их трудов.

Амбруаз. Владельцы собственности делают из своего имущества то употребление, которое им кажется наилучшим; и они имеют на то право так же, как рабочие свободно могут располагать своими руками. Хозяева и рабочие свободно договариваются о цене работы, а когда договор заключается не по принуждению, жаловаться не на кого. Благотворительность может облегчить слишком большие несчастья, незаслуженные страдания, но право должно стоять незыблемо.

Георг. Ну, что вы говорите мне о свободном договоре! Рабочий должен работать, чтобы не умереть с голода, и его свобода — свобода того путника, который отдает свой кошелек напавшим на него разбойникам, чтобы только остаться в живых.

Амбруаз. Это возможно. Но вы не можете только по этой причине лишать каждого возможности располагать своим имуществом, как он желает.

Георг. Своим имуществом! Его имуществом! Но почему землевладелец может сказать, что земля его? И почему, и как капиталист осмелится утверждать, что орудия производства и другие богатства, созданные общими усилиями человечества, принадлежат ему?

Амбруаз. Закон признает за ним это право.

Георг. А! если весь вопрос только в законе, то разбойник с большой дороги мог бы с успехом доказать, что он имеет право убивать и грабить; для этого ему нужно было бы только привести какую-нибудь статью закона, которой бы признавалось это право. Так именно и поступают господствующие классы: их законы или закрепляют право на совершенные уже хищения или дают верное средство совершать новые.

Если все ваши «высшие принципы» основаны только на своде законов, то стоит завтра обнародовать закон об отмене частной собственности, и вы признаете за высший принцип то, что называете сегодня грабежом и кражей.

Амбруаз. Но закон не должен быть произволен. Он должен согласоваться с принципами права и нравственности, а не вытекать из необузданного произвола, иначе...

Георг. Не право создается законом, а наоборот, закон вытекает из права. А в таком случае, по какому праву, закон обеспечивает за несколькими лицами обладание всеми существующими богатствами, как естественными, так и созданными трудом, и почему эти немногие держат в своих руках судьбу всех других, обойденных судьбою?

Амбруаз. Но этим правом, правом свободно распоряжаться плодами своих трудов, должен пользоваться каждый человек. В человеке с рождения заложено это чувство и без него немыслима никакая цивилизация.

Георг. Как! Вы уже начинаете защищать права трудящихся! Bravo! Но объясните мне в таком случае, почему же тот, кто работает, ничем не владеет, а тот, кто ничего не делает, является владельцем собственности?

Что собственники грабители, — не есть ли это логический вывод из вашей теории? Не находите ли вы, что вполне справедливо, если их богатства отнимутся от них и отдадутся законным владельцам, трудящимся?

Амбруаз. Если и есть собственники, которые не работают, так это потому, что они работали прежде или они мудро сберегли и сумели даже пустить в оборот унаследованное от предков.

Георг. Как! вы допускаете, что рабочий, который еле-еле сводит концы с концами, может откладывать и накапливать богатства?!

Вы хорошо знаете, что истинное происхождение богатства есть насилие, воровство, законное и незаконное хищение. Но предположим, однако, что какой-нибудь человек сэкономил кое-что от своего личного труда: вполне справедливо, если он воспользуется этими сбережениями, когда хочет и как хочет. Но дело совершенно изменяется, когда начинается то, что вы называете «пустить сбережения в оборот». Это уже означает — заставить работать других и отбирать у них часть результата их труда; это означает — скупить товары и продавать их дороже, чем они стоят; это означает — отнять у других возможность свободно трудиться, и принудить их работать за самое незначительное вознаграждение; это означает еще много других подобных вещей, которые не имеют ничего общего со справедливостью, но которые убедительно доказывают, что собственность, — когда даже она не есть результат открытого, явного воровства, — зиждется на труде других, обращаемом собственниками так или иначе в свою пользу. Вам кажется справедливым, если человек, скопивший своим трудом или, говоря по-вашему, своей предприимчивостью, маленький капитал, получает благодаря этому возможность посягать на плоды трудов других людей? Более того! Если он завещает всему своему потомству право жить, ничего не делая, за спиной работающих?

Неужели вы находите справедливым, что большей части человечества суждено пребывать в нищете и невежестве только потому, что несколько человек, трудолюбивых и бережливых, — я говорю, становясь на вашу точку зрения, — скопили капиталы? Но я очень грешу против истины, допуская хотя бы на одну только минуту, что собственники — трудящийся народ, или потомки трудящихся? Хотите, я расскажу вам происхождение богатств наших известных миллионеров, как тех, что ведут свой род от древних времен, так и вчерашних выскочек?

Амбруз. Нет, пожалуйста, не будем касаться личностей. Если и существуют нечестно приобретенные богатства, это еще не причина для того, чтобы отрицать право собственности. Прошлое есть прошлое; не к чему доискиваться первоисточника несправедливости.

Георг. Хорошо, не будем доискиваться. Для меня это не важно. Частной собственности не должно быть, так как она дает право и средства эксплуатировать труд других и, все разрастаясь, ставить массу людей в зависимость от нескольких лиц.

А, кстати, как оправдываете вы частное землевладение? Ведь нельзя сказать, что оно есть результат труда землевладельца или его предков?

Амбруз. Очень просто. Неводеланная, бесплодная земля никакой ценности не имеет. Человек занимает ее, удобряет, делает ее плодородной и, естественно, имеет право на плоды, которые без его труда не получились бы.

Георг. Очень хорошо; Это — право работающего на продукт его труда; но это право утрачивается, как только прекращается обработка земли. Не кажется ли вам, что это так должно?

А как вы оправдываете владельцев необозримых земельных угодий, даже с помощью чужого труда никогда ими не обрабатываемых?

Как объяснить то, что земли, совершенно нетронутые, принадлежат не всем, а только некоторым?

Какой это труд, какие улучшения дают в подобных случаях право на собственность?

Происхождение частного землевладения так же, как и обладание другими богатствами основано на насилии; это — истина и объяснить это можно, только допустив принцип: право есть сила. А в таком случае... горе вам, если в один прекрасный день вы окажетесь слабейшими!

Амбруз. Но, в конце концов, вы упускаете из вида общественную пользу, неизбежные нужды общества. Без права собственности не было бы обеспеченности, закономерности труда и общество представляло бы нечто хаотическое.

Георг. Как, теперь вы говорите об общественной пользе?! Но в наших первых беседах я только и говорил, что о вреде, проистекающем для общества от частной собственности и вы,

